

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ Г. МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР»**

**РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМ. ПАТРИСА ЛУМУМБЫ**

**СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАТЕКСТ
И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ И
ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА**

**Сборник научных работ по итогам Международной научно-
практической конференции «Современный медиатекст и судебная
экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка»
(Москва, 12-13 октября 2023 г.)**

Москва 2023

УДК 81
ББК 81
Ф 94

Редакционная коллегия:

П. А. Катъшев, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И. В. Огорелков, кандидат филологических наук, ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр»

Рецензенты:

А. Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. В. Барабаш, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Ф 94 Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка» (Москва, 12-13 октября 2023 г.). – Москва: ООО «СОЮЗКНИГ», 2023. – 400 с.

ISBN 978-5-6049239-4-8

Статьи посвящены исследованию актуальных вопросов лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в медиасреде. Представлены работы об исследовании вопросов лингвистической семантики и дискурс-анализа медиатекстов в приложении к задачам лингвистической экспертизы, разработки и применения методов лингвистической диагностики и идентификации языковой личности, а также внедрения достижений компьютерной, когнитивной лингвистики и психолингвистики в судебно-экспертную практику.

УДК 81
ББК 81

© ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр», 2023

ISBN 978-5-6049239-4-8 ООО «София», ООО «Союзкниг»

Г. С. Иваненко
gala.april@mail.ru

*кандидат филологических наук, доцент, докторант
кафедры русского языка и методики преподавания русского языка
Челябинского государственного педагогического университета
Челябинск, Россия*

ПЕРЕДАЧА ЧУЖОГО ТЕКСТА: ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ИСКАЖЕНИЯ В АСПЕКТЕ ЮРИДИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы передачи чужого текста как предмет правового спора, в котором лингвисту предстоит определить наличие, характер и степень его искажения. Предлагается типология способов представления чужих высказываний: объективный тип противопоставлен субъективному, реализованному в качестве интерпретации или искажения.

Ключевые слова: текст; лингвистическая экспертиза; чужая речь; интерпретация текста, искажение текста.

Ученый на интервью:

*«Все мои суждения бессмысленны,
если они вырваны из контекста».*

Заголовок в газете на следующий день:

*«Знаменитый ученый признался,
что все его суждения бессмысленны!»*

Анекдот

В СМИ, в публичных выступлениях, в художественных, публицистических и мемуарных произведениях активно используются ссылки на чужие слова. Возникают ситуации, когда такая передача чужого текста становится предметом судебного разбирательства по статьям о защите авторских прав и защите чести, достоинства, деловой репутации: истец считает, что его слова переданы неправильно, чем ему нанесен урон [2]. Хотя способы передачи чужих слов в современной лингвистике описаны, в том числе применительно к переводным текстам [6], с учетом этнокультурных и социально-исторических влияний на интерпретацию [3], они рассмотрены либо в методическом аспекте, либо в научном как поиск коммуникативно-прагматических закономерностей, но в любом случае в расчете на добросовестное стремление передающего лица адекватно транслировать информацию [1]. Но даже при отсутствии злого умысла передача чужого текста может быть сделана таким образом, что повлечет судебное разбирательство, тем более это возможно при реализации стратегии дискредитации. Методики дифференциации способов передачи текста, при-

128 | ведших и не приведших к их искажению, нарушающих и не нарушающих авторское право либо право на честь и достоинство, в лингвоэкспертном аспекте на настоящий момент отсутствуют. Попытаемся внести вклад в создание такой типологии.

Объективные и субъективные высказывания. Казалось бы, объективность должна проявляться в точности цитирования. А.И.Фефилов «маркером объективности является совпадение, а маркером субъективности – несовпадение форм исходного и интерпретирующего высказываний» [4, с. 65]. Действительно, только дословное цитирование передает мысль автора точно, без искажений. Сделать это можно при помощи прямой речи или косвенной, вводимой нейтральными указателями на речевую деятельность: сказал, написал, высказался, заявил. Но даже точное цитирование может вызвать недовольство цитируемого. Так, например, высказывание «X» может быть сопровождено или предварено таким комментарием:

Петров сказал, что якобы: «X». – Петров ощущает что частица «якобы» выражает сомнение в достоверности сказанного им и воспринимает их как упрек во лжи.

Петров якобы сказал: «X». – Если петров говорил «X» и содержание текста комплиментарно его характеризует, недовольство вызывает сомнение в его авторстве. Если Петров не говорил «X» и высказывание негативно его характеризует, естественно, он не согласен принять на себя отрицательные последствия не произносимых им слов.

Об исторической динамике семантики частицы «якобы» и приходу к современному показателю дистанцирования рассказано в статье В. А. Плуногьяна «О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие» [4]. Однако и нестабильность функционирования в текстах, и роль контекста, который способен нейтрализовать компонент мнения в структуре семантического аспекта «отстранение» и актуализировать компонент утверждения в структуре семантического аспекта «недостоверность», заставляют оставить открытой дискуссию о возможной роли подобных показателей в формировании смысла текста.

Передача содержания чужих слов при помощи синонимичных языковых средств хотя бы в малой степени, но уже субъективна, поскольку синонимы не тождественны в денотативном, сигнификативном и стилистическом аспектах. Например, человек сказал: «Я чего бы то ни стоило буду добиваться этого». Фразеологизм чего бы то ни стоило может быть замен синонимами обязательно, непременно, хотя любая замена хотя бы немного меняет текст. Но если эти слова передадут так: «Я буду добиваться этого любой ценой», – согласитесь, образ говорящего существенно меняется.

Интерпретации, которые содержат хоть какие-то показатели модальной прагматизации, уже являются субъективными. Однако в правовом аспекте, конечно, не любое изменение при помощи пересказа должно иметь правовые последствия. Субъективизм передачи не тождественен искажению.

Передача текста означает трансляцию следующих его компонентов: 1) фактуального, 2) концептуального, 3) оценочного 4) стилистического. Объективным является высказывание, в котором сохранены фактические данные первичного текста, общая концепция, смысл текста, оценочные категории и общая стилистика. Нарушение любого из параметров объективности приводит к трансформации текста, в зависимости от характера и степени искажения проявляющейся в качестве интерпретации или деформации.

Искажения на фактуальном уровне могут проявляться как неточные количественные данные (даты, суммы, количества любых объектов). В интервью представлена информация от лица артиста, что растит четверых детей (в действительности двоих). Кандидат на выборную государственную должность в своей биографии сообщает о получении трёх высших образований (в действительности одно). При ссылке на высказывание ученого изменены количественные данные его экспериментов. В каждом из этих случаев причиной необъективных фактических данных в цитате могла быть ошибка, а мог быть и умысел на диффамацию. В каждой ситуации есть те векторы негатива, которые раскрываются при определенных условиях. До введения п. 10 в ст. 152 ГК РФ у авторов искаженных высказываний не было шансов на защиту чести, достоинства, деловой репутации в описанных обстоятельствах, поскольку искажения текста не имеют очевидно негативный характер. Сейчас заявитель может признать сведения недостоверными, если докажет это (соответствие действительности порочащих сведений доказывает распространитель). Несоответствия на фактуальном уровне могут, конечно, в каких-то случаях и несущественно повлиять на концепцию, но поскольку это самый очевидный и формально легко верифицируемый уровень передачи чужого текста, добросовестное цитирование предполагает тождество фактуальных показателей, а их изменение может повлечь законное требование об исправлении ошибки.

К фактуальному уровню передачи чужих слов относится точность любого цитирования. В искаженном при цитировании виде высказывание может представлять своего автора как более грубого, или менее умного, или более жестокого, или менее ответственного, и т. п., чем он сам себя считает. Так, название статьи ученого, написанное с ошибкой, которую не он сделал, вызывает к нему недоверие коллег, что, конечно, негативно сказывается на репутации. Однако под определение порочащих сведений такой текст не подходит, поскольку не содержит собственно сведений о реалиях действительности, сообщающих о незтичном, незаконном поведении лица. А вот под нарушение авторских прав такое искаженное цитирование может подойти, если существуют доказательства реально сказанных или написанных слов автора.

Концептуальный уровень искажения чужих слов проявляется в изменении общего смысла произведения речи. Нарушение концепции текста проявляется при передаче текстов различных стилей: художественного, публицистического, научного, официально-делового.

Трансформация при передаче художественного текста может проявляться, например, так: при напечатании рассказа редакторы изменили финал произведения и, не согласовав с автором, опубликовали. Автор, выразивший жизнеутверждающую идею, в произведении под своей фамилией увидел диаметрально противоположные планируемым пессимистические, апокалиптические смыслы, ставшие результатом устранения из текста последних предложений. Автор не намерен был транслировать миру то, что получилось, и законно требует защиты своих авторских прав, нарушенных искажением его произведения.

В описанном аспекте разрушение идейно-художественных смыслов произведения происходит при его пересказе. Многочисленные аннотации, анонсы, отзывы, краткие пересказы художественных произведений нередко убивают их идейно-художественную сущность. Однако в лингвоэкспертном смысле важно, понятно ли читателям, что они имеют дело не с собственно авторским текстом, а с его передачей другим лицом. В противном случае преобладающая часть школьников по итогам сочинений будет являться группой нарушителей авторских прав. Существенно наличие маркеров дистанцирования автора вторичного текста от автора первичного. Выражается ли интерпретатор достаточно отчетливо, чтобы читатель не принял его версию прочтения произведения от собственно самого произведения, что происходит, если под фамилией автора № 1 (истинного автора полного произведения) без всяких объяснений и помет следует текст автора № 2. В таком случае имеет место искажение текста и есть основания для иска о защите авторских прав. В отношении же аннотаций, анонсов и отзывов у автора настоящей статьи нет однозначного ответа на вопрос о границе допустимых интерпретаций. Формально каждый гражданин имеет право на свое видение произведения искусства. В то же время характер интерпретации может настолько исказить смысл произведения, что его автор предстанет в неприглядном образе. Возможно, если вторичный текст содержит информацию, которая представляет автора как носителя явно аморальной или незаконной идеологии, например идеологии фашизма, а автор этим позиционированием не согласен, возможен иск о защите чести и достоинства, а также, и лингвистическое исследование может быть поставлен вопрос о наличии в тексте тех или иных смыслов.

В публицистическом дискурсе концептуальное искажение авторского текста является обычным способом формирования фейковой реальности. С целью дискредитации или, напротив, рекламы лица, компании, явления, идеологии слова, высказанные или написанные человеком, представляют вне контекста, из-за чего их смысл принципиально меняется.

К сожалению, сказанное применительно к публицистическому тексту, к законам которого значительная часть социума адаптировалась, проявляется и в отношении научного, и даже официально-делового стиля. Так, описывая концепцию другого ученого, автор нередко настолько серьезно искажает его позицию, что по сути дискредитирует его. При стенографировании показаний свидетелей и эксперта секретарь

суда в официальном, юридически значимом документе отражает часть сообщенной информации, а часть опускает, в то время как без этой опущенной части общий смысл сказанного принципиально меняется. Пересказ содержания договорных отношений может содержать неверное прочтение документа и, как следствие, выражение порочащих смыслов. Например, одна сторона договора заявляет о другой: «Сидоров обязался по договору доставить товар к 1 октября, но не выполнил условия договора». В действительности в договоре процитированные обязательства сторона берет на себя при условии предоплаты, каковая не имела места. Причиной неверных интерпретаций, имеющих правовые последствия, могут быть как несформированные навыки читательской культуры, так и намеренное манипулирование текстовыми фрагментами. Так, например, при рецензировании чужой экспертизы рецензент для критики берет половину высказывания и намеренно, по-видимому, игнорирует ту часть, которая является необходимым разъясняющим компонентом, снимающим выдвигаемые претензии.

Искажения текста на оценочном уровне проявляется в изменении авторских оценок лиц, событий, явлений. Оценка – одна из базовых концептуальных категорий, выражающая нравственно-этические установки человека. Не изменяя самого текста высказывания, можно придать ему выражение иных, не авторских оценок, сопроводив комментарием: «Х», -- усмехнулся Сидоров. Такие интонационные и мимические характеристики, как подмигнул, скорчился, состроил мину, меняют смысл сказанного, представляют содержание фразы как ироничное. Подобную функцию выполняют слова: пошутил, съязвил, тактично умолчал. Даже если автор первоначально высказывания не язвил и не корчил рож, вряд ли возможно в подобных случаях увидеть нарушение авторских прав или наличие порочащей информации. По-видимому, такого типа искажения попадают в категорию интерпретаций.

Искажения текста на стилистическом уровне также могут проявляться как интерпретация и как деформация. Если при пересказе чужих слов говорящий немного меняет стилистику, при этом слушателям (читателям) понятно, что содержание передано в обработке пересказчика, то такую передачу чужих слов можно считать интерпретацией.

Если же стилистика текста искажена до уровня трансляции другой языковой личности, притом маркеры трансформации отсутствуют, имеет место деформация, имеющая диффамационный потенциал. Например, чужой текст представлен в жаргонном варианте как аутентичный. Автор произведения под определенным названием или автор высказывания, оформленного в виде цитаты, предстает перед читателями человеком с низкой культурой, нарушающим языковые и коммуникативные нормы.

Итак, искажение чужого текста может попадать под действие статей о защите чести и достоинства или о защите авторских прав. Передача чужого текста предполагает трансляцию информации на четырех уровнях: фактов, концепции, оценочности и стилистики. Только аутентичность первоначальному

132 | тексту по всем названным параметрам характеризует передачу текста как объективную. Субъективная передача чужого текста может проявлять себя как интерпретация, при сохранении фактуального и концептуального уровней, и как деформация, если эти параметры переданы неадекватно. Трансформация оценок и стилистики может иметь различные последствия, определение их характера и меры проявления, которые еще предстоит формализовать лингвоэкспертному сообществу, приведет к пониманию границы между интерпретацией как проявлением творчества личности и деформацией, попадающей под правовую квалификацию.

Литература

1. Глазкова М. Ю. Чужая речь как средство реализации доминантных функций публицистического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4(15). С. 51-53.
2. Иваненко Г. С. Вторичный текст как источник правового конфликта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6(17). С. 54-58.
3. Кирюшкина В. В. Проблема интерпретации текста и метод анализа искажений в системе культурологии / В. В. Кирюшкина // Вопросы культурологии. 2009. № 6. С. 26-29.
4. Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие // В. Wiemer, V. A. Plungjan (Hrsg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen / Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. Munchen: Sagner, 2008. P. 285-311.
5. Фефилов А. И. Модально-прагматическая интерпретация чужого высказывания // Филологические науки. 1991. № 1. С. 64-73.
6. Ширяева Н. В. Причины искажения исходного текста в процессе его интерпретации в иноязычной языковой среде // Лингводидактические особенности обучения иностранным языкам в неязыковых вузах: сборник статей. М.: Канцлер, 2018. С. 354-358.

G. S. Ivanenko

TRANSFER OF ANOTHER TEXT: INTERPRETATIONS AND DISTORTIONS IN THE ASPECT OF LEGALIZATION

Abstract: The article discusses various ways of transmitting someone else's text as a subject of a legal dispute in which the linguist will have to determine the presence, nature and degree of its distortion. A typology of ways to represent other people's statements is proposed: the objective type is opposed to the subjective type, realized as an interpretation or distortion.

Keywords: text; linguistic expertise; someone else's speech; text interpretation, text distortion.

Иваненко Г. С. Передача чужого текста: интерпретации и искажения в аспекте юридизации // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка» (Москва, 12–13 октября 2023 г.). – Москва: ООО «СОЮЗКНИГ», 2023. С. 127–132.